

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЕПИФАНИИ ПРЕМУДРОМ

Ключевыми источниками сведений о жизни и деятельности первого агиографа преподобного Сергия Радонежского – Епифания Премудрого являются, прежде всего, созданные им произведения. Эти сообщения достаточно скромны и не всегда отличаются точностью, однако помогают восстановить не только события из жизни русского средневекового книжника, но и понять некоторые особенности его творческой деятельности и личные предпочтения.

Время жизни Епифания датируется второй половиной XIV – первой четвертью XV вв.¹ Судя по свидетельствам из Жития Стефана Пермского возможно установить, что Епифаний был современником пермского епископа «во градъ в Ростове, у свягата Григориа Богослова въ монастыри, нарицаемъм в Затворъ, близъ епископы, яко книги многи бяху ту...»². Далее, перечисляя источники сведений о жизни и деятельности Стефана Пермского, книжник указывает и на непосредственное общение с ним: «Сиа же убо снисках и, здъ и ондъ собравъ, предположих яже о житии его: ова слухом услышах, ова же от ученикъ его увъдах яже о учительствъ, управлении. Есть же другое, яко и своима очима видъх, иное же и с самъм бесъдовах многажды...»³. Но наиболее ярко раскрывает отношения Епифания и Стефана Пермского глава «Плач и похвала пишущего инока»: «Азь же, отче, господине епископе, аще уже и умершу ти, хощу принести ти хвалу – или сердцем, или языкомъ, или умом – иже иногда, живу сущу ти, бых ти досадитель, нынъ же – похвалитель; и нькогда с тобою спирахся о ньких о приключьшихся или о словъ етеръ, или о коемждо стись, или о строць...»⁴. На основании сведений из Жития Стефана Пермского справедливо предположить о том, что два инока – будущий епископ, просветитель земли Пермской и книжник Епифаний некоторое время пребывали в Григорьевском монастыре (Затворе) вместе, довольно тесно и плодотворно общались.

¹ Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А-К. Л.: ИРЛИ АН СССР, 1988. С. 211.

² Там же.

³ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI в. С. 138.

⁴ Там же. С. 166.

Не менее интересен вопрос и об образовании Епифания Премудрого, в частности, о том, где ему довелось овладеть греческим языком. В отношении этой проблемы существуют две точки зрения. Согласно одной из них, Епифаний овладел греческим, будучи иноком вышеупомянутого Григорьевского затвора в Ростове Великом. В пользу этого также свидетельствует факт из «Повести о Петре, царевиче ордынском» о том, что в этом городе в XIV в. церковная служба велась на двух языках – греческом и славянском (русском): «Бъ бо тогда въ церкви свята Богородица лъвый клирость греческы пояху, а правый русский»¹. Согласно другой точке зрения, Епифаний Премудрый мог выучить греческий язык, совершая паломничество в Святую Землю, побывав в Константинополе, на Афоне и в Иерусалиме². Более определенно можно сказать и о том, что в 1380 г. Епифаний Премудрый был иноком Троице-Сергиевой лавры, будучи уже состоявшимся многоопытным книжным писцом. Пахомий Логофет в послесловии к Житию Сергия говорит сверх того, что Епифаний Премудрый «много лет, паче же от самого возраста юности»³, жил вместе с Троицким игуменом.

В 90-е гг. XIV – начале XV в. Епифаний Премудрый создает два своих известнейших произведения – *Житие Стефана Пермского* и *Житие Сергия Радонежского*. После смерти Сергия Радонежского в 1392 г. Епифаний Премудрый начинает работу по составлению жития преподобного подвижника, отмечая в предисловии к своему произведению: «По лъте убо единъм или по двою по преставлении старцьвъ азъ, окаанный и всedrъзый, дръзнух на сие»⁴. Вероятно, что до середины 90-х гг. Епифаний Премудрый ещё пребывал в Троицкой обители. В 1408 г. Епифаний находился некоторое время в Твери, переживая нашествие ордынского темника Едигея, найдя приют у тверского архимандрита Кирилла, с которым в дальнейшем поддерживал переписку. В дошедшем до нас письме Епифания Премудрого Кириллу Тверскому (после 1413 г.), книжник вспоминает события 1408 г.: «...Внегда бѣжах от лица Едегеева на Тверь, утрашихся, паче же всѣх, у тебе преупокоих претружение мое, и тебѣ возвестих печаль мою, и тебѣ явствовах все книжие мое, елицы от разсѣяния и от расточения ошастася у мене. Ты же тогда таковой храм написанный видѣл и за б лѣт воспомянул ми в минувшую зиму сию своим благоутробием»⁵.

¹ Повесть о Петре, царевиче ордынском // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI вв. С. 78.

² См.: Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 210, 211.

³ Там же.

⁴ Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV вв. С. 276.

⁵ Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV вв. С. 461.

Письмо Епифания уникально тем, что позволяет открыть в личности этого средневекового русского книжника другое его дарование – графику (изографию). В этом письме Епифаний рассказывает Кириллу Тверскому о своих впечатлениях от знакомства и общения с мастером-изографом Феофаном Греком. Знакомство двух русских средневековых мастеров, вероятно, имело место в 90-х гг. XIV – начале XV в. в Москве: «Понеже егда живях на Москвъ, идъ же бяше тамо муж он живой, преславный мудрокъ, зъло философ хитръ, Феофан, гречин, книги изограф...»¹, из которой книжник вынужден был переселиться в Тверь из-за нашествия темника Едигея. Вероятно, и то, что Епифаний Премудрый был знаком с митрополитом Киприаном и работал под его началом².

В 10-х гг. XV в. (к 1418 г.) Епифаний Премудрый завершает свою работу над *Житием Сергия Радонежского*, пребывая в Троицкой обители. Рассмотрим предисловие Жития Сергия Радонежского, представляющее собой довольно подробно описанную агиографом предысторию создания своего произведения. Книжник указывает на причину, побудившую его к совершению этого труда: «Азь не хватаю ни пред кым же, но себъ пишу, а запаса ради, и памяти ради, и ползы ради <...> прочии мниси, яже не суть видали старца, да и ть прочтут и поревнують старцевъ добродѣтели и его житию върують...»³, тем самым указывая на главную функцию житийного произведения – дидактическую (поучение), утверждая пример жизни преподобного Сергия в качестве образца для подражания, особенно важного, исходя из слов агиографа, для монашествующих.

В предисловии к житию агиограф также отмечает: «преставися 26 лътъ преиде, никтоже не дръзняше писати о немь...»⁴, то есть в 10-х гг. он находился в Троице-Сергиевой лавре, заканчивая свое произведение. Согласно его содержанию, до 10-х гг. XV в. работа по созданию жизнеописания преподобного никем не предпринималась. Агиограф говорит об этом: «Како толико лътъ минуло, а житие его не писано. <...> никтоже не дръзняше писати о немь, ни далнии, ни ближнии, ни большие, ни менши: болшие убо яко не изволяху, а меншии яко не смъяху»⁵. Однако, как уже было сказано выше, работа Епифания над составлением жизнеописания Троицкого игумена начинается через год или два после представления святого подвижника. Агиограф это отмечает в своем предисловии, также добавляя, что к моменту непосредственного написания жития «имъях же у себъ за 20 лътъ приготованы таковаго списания свитки, в нихже бъяху написаны

¹ Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV вв. С. 460.

² Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 217.

³ Житие Сергия Радонежского... С. 278, 280.

⁴ Там же. С. 278.

⁵ Там же.

нъкия главизны еже о житии старцевъ памяти ради: ова убо въ свитцѣхъ, ова же в тетратѣхъ, аще и не по ряду, но предняя назади, а задняя напредѣ»¹.

Исходя из данного сообщения книжника справедливо предположить, что первые свои записи о жизни и подвигах преподобного Сергия были сделаны книжником в конце XIV в., во время его пребывания в Москве, следовательно, сбор сведений Епифанием происходил в середине 90-х гг. XIV в., в последние годы жизни преподобного Сергия и первые годы после его кончины. Вероятно, и то, что потребность вернуться в 10-х гг. XV в. в Троицкую обитель могла возникнуть у Епифания именно в связи с редакцией собственных записей и необходимостью поиска, либо уточнения собранных сведений о жизни Сергия у иноков обители.

Агиограф также уделяет особое внимание и описанию источников информации о Троицком игумене: «И оттоль нужда ми бысть распытовати и въпрашати древних старцовъ <...> слышах и разумѣх... от старецъ слышах, и елика своима очима видѣхъ, и елика от самого усть слышах, и елика увѣдах от иже въслѣд его ходившаго время немало и възлиавшаго воду на руцѣ его, и елика другаа нъкаа слышахом и от его брата старѣйшаго Стефана, бывшаго по плоти отца Феодору, архиепискому Ростовьскому... же от инѣхъ старцевъ древних, достовѣрныхъ бывших самовидцев...; друзии же старци самовидци суще и свидѣтели неложнии и постризанию его... и по ряду прочим прочии възвъстителѣи же и сказатели бываху»².

Предполагаем, что работа над написанием Жития Сергия Радонежского, продолжалась все 10-е гг. XV в., до времени кончины средневекового русского книжника, которая произошла не позднее 1422 г. Данный вывод делается на основании того, что обретение мощей преподобного Сергия произошло именно в 1422 г., о чем на страницах созданного книжником *Жития Сергия Радонежского* не упоминается³.

Основными произведениями Епифания Премудрого, по которым мы можем судить об особенностях его стиля, являются: Житие Стефана Пермского, Житие Сергия Радонежского, Похвальное слово Сергию, а также его письмо Кириллу Тверскому. По мнению Гелиана Прохорова, «именно «Слово о житии и учении» Стефана Пермского в первую очередь позволяет говорить о Епифании Премудром как о русском писателе, в творчестве которого стиль «плетения словес» достиг наивысшего развития»⁴. В той или иной степени, это характерно для всех его агиографических произведений, и, несмотря на то, что жития святых как

¹ Житие Сергия Радонежского... С. 278.

² Там же. С. 279.

³ Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 217.

⁴ Там же. С. 213.

жанр имеют определённую четкую структуру, тем не менее Епифаний Премудрый смог блестяще реализовать себя как искусного книжника и знатока Слова. Это подтверждает и Василий Ключевский, характеризуя и оценивая Епифания Премудрого как писателя следующим образом: «В Епифании, как писателе, встречаем два условия, которые редко соединялись в наших позднейших агиобиографах: он обладал литературным талантом, вооруженным обширной начитанностью, и был близким свидетелем событий, которые описывал, или знал их из верных источников. Притом в его литературном положении была особенность, не существовавшая позднее: он писал в то время, когда стиль житий у нас только ещё устанавливался, не затвердев в неподвижных холодных формах, поэтому его витийство не знает границ и часто подавляет фактическое содержание»¹.

Таким образом, при изучении Пространной редакции Жития Сергия Радонежского, необходимо учитывать личностные и профессиональные качества, время жизни и деятельности его первого агиографа – Епифания Премудрого, которые оказывают на созданные ими агиографические произведения значительное влияние. В этой связи наибольший интерес представляет текст Пространной редакции Жития Сергия Радонежского, принадлежащий перу Епифания Премудрого, который предоставляет достаточно богатый материал для исследования мировоззренческих и профессиональных установок средневекового русского книжника, приемов, которые он использует в своей работе, а также осмысления им собственной деятельности.

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 122.